

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Часть первая</i>	
Инцидент в Дарлингтоне	3
<i>Часть вторая</i>	
Три беглеца	18
<i>Часть третья</i>	
Охота начинается	44
<i>Часть четвертая</i>	
Вашингтон вмешивается	69
<i>Часть пятая</i>	
Ковбои и индейцы	86
<i>Часть шестая</i>	
Капкан захлопывается	117
<i>Часть седьмая</i>	
Дела справедливости	141
<i>Часть восьмая</i>	
Победители и побежденные	166
<i>Часть девятая</i>	
Свобода	194
<i>Часть десятая</i>	
Конец следа	228
Послесловие	235

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Ответственный редактор **М. Ложечко**. Художественный редактор **В. Пахомов**.
Технический редактор **А. Прозоровская**.
Корректоры **С. Локшина** и **Б. Третьяченко**.
Сдано в набор 26/III 1953 г. Подписано к печати 16/V 1953 г.
Формат 84 × 108 $\frac{1}{4}$ — 3,75 бум. = 12,32 печ. л. (12,84 уч.-изд. л.).
Тираж 75 000 экз. А01282. Заказ № 340. Цена 4 р. 85 к.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушевский вал. 49.

ГОВАРД ФАСТ

ПОСЛЕДНЯЯ ГРАНИЦА

Перевод с английского
ЕКАТЕРИНЫ ВАЛИШЕВСКОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
Москва 1953 Ленинград

Роман «Последняя граница» принадлежит перу известного американского писателя Говарда Фаста, одного из передовых борцов за мир и демократию.

В романе изображается мужественная, героическая борьба маленького индейского племени против капиталистических хищников.

В «Последней границе» описаны события, которые происходили семьдесят лет назад, но и сегодня положение индейцев, негров и других национальных меньшинств, населяющих Америку, продолжает оставаться трагическим.

Американская «демократия», которую империалисты расхваливают на все лады, на деле служит прикрытием для их захватнических планов, для неслыханного угнетения миллионных масс ~~тридцатых~~ ~~и сороковых~~ ~~годов~~ ~~и~~ ~~особенности~~ национальных меньшинств.

Передовые люди Америки, как и все ~~и~~ ~~много~~ ~~ша~~ ~~ра~~, со все возрастающей энергией борются ~~и~~ ~~против~~ империалистических захватчиков и поработителей. Лагерь мира и демократии растет и крепнет!

И одно из первых мест среди тех, кто мужественно отстаивает интересы простых и честных людей, занимает писатель Говард Фаст. Книги Фаста запрещены в Америке, но голос его, голос писателя-борца, слышат все, кому дороги демократия и свобода, и его благородное перо надежно служит делу мира во всем мире.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Июль 1878 года

ИНЦИДЕНТ В ДАРЛИНГТОНЕ

Была середина лета. В Оклахоме стоял нестерпимо жаркий день. Расплавленное солнце, казалось, вот-вот потечет с металлического безоблачного неба. Зноем дышало все: небо, солнце, техасская пустыня, откуда дул южный ветер, сама земля. Почва пересохла и рассыпалась маленькими клубами мелкой красной пыли. Пыль, поднимаясь кверху и оседая, покрывала собою все: низкорослые, чахлые сосны, желтую траву, некрашенные дома, и цвет их покоробленных досок напоминал цвет окружающей земли.

В струящемся жарком воздухе все очертания казались зыбкими и неверными. Кролик, проскочивший через лужайку, скорее напоминал темный лоскут, подхваченный горячим вихрем.

Агент Джон Майлс, совершавший свой обычный утренний обход владений, принадлежащих агентству, остановился.

Вот уже шесть лет живет он на Индейской Территории и все еще не может привыкнуть к оклахомскому климату. Каждый год лето кажется ему все более жарким, а может быть, он просто забывает, каким нестерпимым было предыдущее.

Озабоченно потрогал он пальцем изнанку своего крахмального воротничка. Теперь только одиннадцать часов, а к полудню обычно раскисает последняя частица крахмала и воротничок превращается в мокрую тряпку. Его жена Люси не раз говорила ему, что глупо носить летом белые крахмальные воротнички. Шейный платок, который может служить и носовым, по ее мнению и удобнее и практичнее и нисколько не унижает достоинства. В последнем Майлс не вполне был уверен. Достоинство и авторитет создаются целым рядом мелочей; стоит только отказаться от одной из них — и человек уже на пути к отказу от всех. И чем дальше он находится от цивилизованного мира, тем большее значение имеют все эти мелочи.

А более удаленного от цивилизации места, чем Дарлингтон, где поселили индейцев из племен шайенов и арапахов, агент и представить себе не мог.

Майлс вынул платок и вытер лицо. Бросив быстрый взгляд по сторонам, чтобы удостовериться, не наблюдает ли кто за ним, он нагнулся и смахнул красную пыль с черных башмаков. Затем заботливо сложил платок так, чтобы не было видно запачканной стороны, и, вздохнув, направился к зданию школы.

После того как его назначили агентом по делам индейцев, эта школа была одним из его первых достижений. Он очень гордился ею, как гордился и другими улучшениями, введенными им в Дарлингтоне. Однако он помнил, что в любую минуту его гордость может быть унижена сурово и безжалостно. А так как он был квакером¹, и квакером более или менее искренним, то и старался скрывать эту гордость, а когда она все же бывала уязвлена, то наряду с отчаянием испытывал даже некоторое моральное удовлетворение.

¹ Квакеры — религиозная секта в Америке. (Примеч. перев.).

Подойдя к школе, он обнаружил, что здание вновь нуждается в окраске. В другом климате краску постепенно разрушают зимние холода, здесь же, в этой невыносимой жаре, краска с дощатых стен попросту выкипает. Майлс покачал головой. Он знал, что бессмысленно просить о дополнительных материалах на ремонт сейчас, когда урезывается даже продовольственное снабжение.

Он перешел ложбинку, наполненную мельчайшей пылью, доходившей ему до щиколоток. Тут было бесполезно обтирать башмаки. И, кашляя, он продолжал идти в клубившемся облаке красной пыли.

Арапах, босой, завернутый в грязное желтое одеяло, преградил ему путь. С его губ полился поток мягкой, певучей индейской речи. Пыль, поднятая шаркающими ногами арапаха, встала стеной между ними.

Майлс знал этого человека. Его звали Роберт Кричащий Ястреб. Он немного говорил по-английски. За шесть лет, проведенных в агентстве, Майлс так и не научился хоть сколько-нибудь языку шайенов и арапахов и нередко говорил себе, что тут не помогут и шестьдесят.

— Говори по-английски! — сказал он нетерпеливо.

— Моя жена, — на ломаном английском языке произнес индеец, — она говорит — эта курица не несет яйца, она плохая курица.

— Скажи об этом мистеру Сегеру.

— Джонни нет дела до яйца, — упрямо продолжал индеец.

— Хорошо, я сам поговорю с ним, — сказал Майлс, стараясь быть терпеливым.

— Да мы съели эта плохая курица.

— Ну, тогда вы от нас кур больше не получите, — заявил Майлс и пошел дальше.

Он обрадовался, когда вошел в тень школьной веранды. Зной был здесь не так силен, а дом несколько защищал от пыли. Но Майлс чувствовал, что в одной определенной точке между бровями все нарастает тупая, мучительная боль. Опять разболится голова. И Люси, конечно, опять будет бранить его за то, что он не остерегается солнца. Она требовала, чтобы он таскал с собой зонтик, не понимая, что тогда он станет посмешищем для всех

индейцев. Пусть поворчит — у него будет хоть оправдание, чтобы принять холодную ванну перед обедом.

Он стоял на веранде, прислушиваясь к неясному гулу голосов, доносившемуся из школы, и с наслаждением мечтал об этой ванне. Отсюда ему были видны крутой спуск к высохшему руслу Канадской реки, пыль, поблекшая желтая трава и выросшая здесь каким-то чудом небольшая роща чахлых сосенок. Индейское селение с его конусообразными вигвамами, вытянувшееся вдоль пересохшего русла, казалось, тщетно искало влаги. Кроме арапаха Роберта, на раскаленной поверхности земли не было видно ни одного живого существа. Большинство индейцев уже отправилось на охоту за бизонами, с которой они вернутся разочарованные, с пустыми руками; остальные же не выйдут из жилищ, пока не зайдет солнце.

Прозвенел школьный звонок, распахнулись двери, и индейские ребята со смехом и криком, толкаясь, выбежали наружу. Они уже рассыпались было по траве, когда миссис Хьюджинс, начальница школы, вышла на веранду. Это была рослая, могучая женщина с поседевшими волосами, обвислыми щеками и крохотными голубыми глазками. Пот катился по ее лицу и шее, и капли его расплывались на воротнике платья. Увидев Майлса, она захлопала в ладоши и крикнула:

— Дети, дети, подойдите и поздоровайтесь как нужно с агентом Майлсом!

Некоторые из ребят остановились, другие продолжали бегать.

— Да уж ладно, ладно! — сказал Майлс.

— Вы извините, — заявила начальница: — летом все так трудно, ни на чем нельзя сосредоточиться при таком зное.

Майлс сочувственно кивнул.

— Не примите это за жалобу, — продолжала миссис Хьюджинс.

На веранду вышли еще двое — учитель и учительница: Джошуа Трюблад и его жена Матильда. Они также были квакерами. Последовав призыву своего братства, они отправились на Индейскую Территорию. Но условия жизни здесь сделали их совершенно безвольными и покорными. Джошуа Трюблад был щупленький человек

с обвисшими усами соломенного цвета. Жизнь на Территории была для него сущим адом. Он мучительно боялся индейцев, а его жена боялась их еще больше. Учитель он был никудышный, хотя и усердный. Матильда, походившая на мышь, всегда и во всем подражала ему. И, несмотря на это, какое-то смутное чувство долга все-таки удерживало их в агентстве.

— Разве можно заставлять детей учиться летом! — сказал Джошуа.

— Знаю, — кивнул головой Майлс. — Через несколько дней начнутся каникулы. Я не хотел, чтобы они отправились со старшими на охоту. Родителям и без того тяжело бродить в этой пустыне в поисках бизонов, которых здесь давно не существует, а тут еще тащить за собой ребят...

Матильда соболезнующе прищелкнула языком, а миссис Хьюджинс заявила:

— Все так трудно в жару...

Майлс старался подбодрить себя. Голова у него уже болела, и пришлось сделать большое усилие, чтобы покинуть затененную веранду.

— Ну, мне пора, — сказал он. — Увидимся за завтраком.

Он принудил себя спуститься по склону на дорогу, ведущую к индейскому селению. Он шел полями, на которых индейцы под наблюдением фермеров из агентства посадили кукурузу, картофель, капусту.

Пыль так густо покрывала посевы, что они походили на свалку мусора. Никакая земная сила не могла заставить индейцев покинуть свои жилища и работать под таким солнцем.

Майлс миновал стаю кур. Поднятая ими пыль запорщи́ла ему глаза, и он закашлялся. Боль в голове стучала молотом. Обернувшись, он поглядел, как куры роются в пыли. По пути домой он прошел мимо ряда недавно построенных хижин. Они должны были заменить вигвамы, в которых сейчас жили индейцы. Хижины еще не были окрашены, а сырые сосновые доски уже так перекошились и погнулись от жары, что вылезли почти все гвозди, которыми они были прибиты к балкам. Майлс покачал головой, лицо его выразило уныние, и он медленно побрел домой.

Завтракать сели пять человек: агент Джон Майлс, его жена Люси, Джошуа и Матильда Трюблад и Джон Сегер, выполнявший всякого рода работу в агентстве.

Сегер, рослый, смуглолицый, темноволосый и темноглазый малый, поступил в агентство почти одновременно с Майлсом. Первое время он работал подручным, но постепенно стал браться за все, начиная с преподавания, когда Трюблады выходили из строя, и кончая охотой за контрабандистами, торговавшими водкой.

Индейцы звали его «Джонни-курильщик», позаимствовав это прозвище из песенки, которой он обучил в школе ребят.

Из всех сидевших за столом только он любил свое дело. Он понимал индейцев, и они понимали его.

Сегер пришел в столовую разгоряченный, потный, сердитый и с трудом выслушал длинную предобеденную молитву, которую не спеша читал агент Майлс. Затем следом за служанкой Айдой, индианкой из племени арапахов, в комнату вошел повар Бэнк. Айда несла миску с горячим гороховым супом, а Бэнк шел за ней по пятам, опасаясь, что она уронит миску.

— Я нахожу, что горячий суп в такую жару освежает, — заявила миссис Майлс.

— Может быть, тетушка Люси, — поддержал ее Бэнк; он отступил от стола и не спускал глаз с индианки, пока та не водрузила миску на стол. — Может быть, так оно и есть, но господи боже ты мой, какая на кухне жарница! Не убеги я оттуда, я просто спятил бы. Ей-богу, неудивительно, что повара так часто сходят с ума!

— Мне кажется, что завтра или послезавтра пойдет дождь, — сладко заулыбалась миссис Майлс. — А вы, Бэнк, — продолжала она, — не употребляйте имени господа всеу.

— Виноват, чорт меня побери, тетушка Люси, — извинился Бэнк, вытирая руки о передник, и, подталкивая перед собой индианку, отправился обратно в кухню.

Миссис Майлс стала разливать суп, а Сегер, который не мог больше сдерживаться, пробурчал:

— Я сегодня прогнал отсюда двух охотников за бизонами.

— Охотников за бизонами? — с беспокойством пере-

спросил Майлс. — Да ведь здесь нет никаких бизонов и в помине!

— Я только назвал их так, — сказал Сегер, кивком указывая на миссис Майлс и Матильду Трюблад. — Видит бог, мне следовало бы назвать их совсем иначе: негодяи и лодыри! Вы знаете этих молодчиков в кожаных рубахах и штанах. Может быть, они когда-нибудь и охотились за бизонами, но теперь у них на уме совсем другое. Здесь, на Территории, больше жуликов, чем во всех других штатах, вместе взятых.

Майлс покачал головой:

— Что же, по-вашему, им здесь нужно?

Сегер, кивнув в сторону женщин, шепнул что-то на ухо Майлсу.

— Плохо, — сказал тот.

— Бог мой, разве я этого не знаю! В такую жару! Я даже по ночам ломаю себе голову, как бы их спроводить отсюда. А когда вернутся с охоты индейцы, да с пустыми руками, еще хуже будет.

— Давайте кончим завтрак, — предложил Майлс и, несмотря на пульсирующую боль в голове, начал давать указания, тщательно взвешивая каждое слово: — Потом вы отправитесь в форт Рено и попросите полковника Мизнера прислать сюда взвод солдат. Мы почувствуем себя тогда спокойнее.

— Надеюсь, — сказал Сегер без всякого энтузиазма.

Они уже кончили завтрак, когда Майлс, сидевший лицом к окну, увидел подъезжающих к дому индейцев. Сначала ему показалось, что зрение обманывает его, что это мираж, вызванный жарой. Индейцев было человек двадцать. Полуголые, покрытые пестрой татуировкой, они сидели на тощих, как скелеты, пони, худоба которых могла поспорить с худобой всадников. Индейцы ехали среди клубящихся облаков красной пыли, пронизанной солнцем; лошади тонули в них по самое брюхо, отчего и казалось, что они плывут.

— Господи, спаси нас! — прошептал Майлс.

Тогда и другие взглянули туда, куда был направлен взгляд Майлса.

— Господи, спаси нас... — повторил Майлс.

А Сегер пробормотал:

— Пришла беда — отворяй ворота.

Он первым выбежал на крыльцо и с облегчением вздохнул, увидев, что индейцы, построившиеся полукольцом перед домом, не имеют при себе оружия. Это были шайены, и Сегер узнал среди них двух старых вождей: одного звали Тупой Нож, другого — Маленький Волк.

Северные шайены под предводительством Тупого Ножа были последней группой индейцев, переселившихся в это агентство. Их родиной были Черные Холмы, в штате Вайоминг. Они жили там с незапамятных времен, кочуя по равнинам Монтаны и северной Дакоты, охотясь на бизонов, но неизменно возвращаясь в родные места — в горы. Среди всех других родовых групп шайенов цивилизация коснулась этой группы в последнюю очередь. В своих горах или же в богатой и плодородной долине Паудер-Ривер они находили все, что им было нужно для жизни, и белые добрались до них не скоро.

В 1865 году был подписан договор Харни-Сенборна, гарантировавший индейцам северных равнин — сиу, шайенам и арапахам — право на владение землями, которые они населяли, а именно — всем бассейном реки Паудер. Эти земли простирались на запад от реки Малая Миссури до Черных Холмов и подножия Скалистых гор. В те времена считалось, что еще многие поколения индейцев смогут жить на этой обширной территории. Здесь водилось немало дичи, до железной дороги было очень далеко, а скотоводческий район находился в полутора тысячах миль южнее.

Но вот закончилась постройка Тихоокеанской железной дороги. В долине Паудер-Ривер трава доходила лошадям чуть не до холки. Нигде в мире нельзя было найти таких пастбищ. И техасские скотоводы перегнали свои стада на полторы тысячи миль к северу, положив начало Чисхольмскому тракту, а правительство, чтобы защитить их от индейцев, понастроило форты. Индейцы не хотели примириться с этим, и в конце концов конгресс послал дипломатов, чтобы расторгнуть договор Харни-Сенборна. В сущности, повторилась старая история: стада, железные дороги, земельные компании — и в результате индейцам пришлось уйти.

Тупой Нож и его племя боролись дольше, чем другие племена. И лишь весной 1877 года они сдались генералу Маккензи и его войскам. Индейцам объявили, что

им придется покинуть свой родной край и отправиться на юг, где для них отведена обширная территория. Им было также обещано, что когда они переселятся туда, правительство будет заботиться о них и они заживут в мире и довольстве. Одна ветвь их племени — южные шайены — издавна жила в Оклахоме, и этот довод был также добавлен к ряду других; но решающую роль сыграл посланный правительством кавалерийский полк. Этот аргумент оказался самым убедительным, и в то время, к которому относится наш рассказ, шайены находились в резервации¹ уже больше года.

Этот год оказался для них нелегким. Привыкнув к сухому климату северных равнин и гор, они на малярийной изменности Индейской Территории мерли, как мухи, от лихорадки и других болезней. Народ, живший охотой и привыкший к мясной пище, был переброшен из живописной местности, богатой дичью, в страну, где не было ни дичи, ни красоты. Еще до их прибытия у Майлса вечно не хватало продовольствия, а так как снабжение не улучшилось, то агент и не думал о том, чтобы тратить свои запасы на каких-то язычников, и уже год, как они страдали от голода и лишений. И теперь эти изможденные люди, подъехавшие к агентству на тощих лошадях, казались какими-то призраками.

Перед фасадом агентства шайены остановились. Они не спешили и, наклонившись вперед, почти безучастно рассматривали людей, стоявших на веранде. А взвихрившаяся красная пыль оседала, точно пыль ядовитых грибов трутовиков.

— Уведи Матильду в дом, — сказал Майлс жене.

Обе женщины удалились.

Джошуа Трюблад нервно переминался с ноги на ногу. Вожди — Маленький Волк и Тупой Нож — подъехали к веранде и сошли с коней.

Оба вождя шайенов были уже стариками, но Тупой Нож был старше, слабее и менее уверен в себе. Он стоял, разгребая ногами пыль и поглядывая на пальцы, вылезавшие из дырявых, расшитых бусами мокасин. Маленький Волк поднялся по ступенькам веранды. В его манере держаться не было никакой приниженности. Для

¹ Резервацией называется территория, предоставленная переселенным индейским племенам.

шайена (шайены — самый рослый народ из всех живших в прериях) он был мал — одного роста с Сегером, сутулый, широкоплечий, с темным лицом и длинными жесткими волосами. Его можно было назвать привлекательным: крупный подбородок, широкий даже для индейца рот, большой нос с горбинкой, маленькие, мудрые, добрые глаза, близко поставленные и терявшиеся среди множества морщин. Он имел вид свежий и бодрый, как человек, проживший всю жизнь на воздухе, закаленный ветрами, дождем и жарким солнцем. В нем было что-то такое, что успокоило страхи белых людей, — быть может, та неторопливость, с какой он, поднявшись на веранду, поочередно протянул руку Майлсу, Сегеру и Трюбладу. Его пожатие было уверенным и крепким.

Он заговорил на плавном, певучем языке шайенов. Никто из присутствующих не знал его настолько хорошо, чтобы уловить смысл этих тихо журчащих слов.

— По-английски умеешь? — спросил его Сегер.

— Немного.

— Джон, постарайтесь узнать, зачем они сюда приехали, — озабоченно сказал Майлс.

Сегер, с трудом подбирая слова, проговорил что-то на шайенском языке. Склонив голову набок, вождь сосредоточенно вслушивался. Сегер продолжал говорить, запинаясь, и Маленький Волк терпеливо ждал, пока он кончит.

— Все та же песня, — заявил Сегер Майлсу. — Насколько я мог разобрать — мало пищи, нет бизонов, болезни, жара... Вечно та же проклятая история... Может, я не так понял его, но у старика, видно, накопело в душе. Пошлите за Герьером, пусть лучше он поговорит с ними.

Метис Эдмонд Герьер жил при агентстве и выполнял любую работу — что придется. Иногда он служил переводчиком и посредником между агентом и индейцами, среди которых у Герьера было немало родственников. И теперь Майлс послал за ним Трюблада, а Сегер пригласил обоих вождей в контору агентства, предлагая вместе покурить. Перед тем как войти в дом, Тупой Нож также пожал руку белым. В нем не чувствовалось той уверенности, какая была в Маленьком Волке; несмотря на свой возраст и положение, он имел вид испуганного ребенка.

Войдя в контору, Сегер набил свою трубку и разжег ее. Но вожди не захотели ни есть, ни курить. Несмотря на жару, они кутались в свои одеяла и продолжали стоять, прислонившись спиной к одной из стен маленькой комнаты. Минуты ожидания тянулись бесконечно. Выглянув в окно, Майлс увидел остальных шайенов, безучастно сидевших на своих тощих лошадках. Было совершенно бесполезно затевать беседу на том ломаном шайенском языке, на котором говорил Сегер, или с помощью немногочисленных английских слов, которые были известны Маленькому Волку.

Спустя некоторое время в контору вошла миссис Майлс с тарелкой сладкого печенья. Она тревожилась за мужа, но, увидев, что в комнате царит спокойствие, весело заулыбалась и принялась угощать обоих вождей. Когда те отказались, она удивилась и обиделась.

— Еще никто из них ни разу не отказывался от моих печений, — жалобно заявила она.

— Да ведь эти северные шайены — дикари, они совсем нецивилизованны, — пояснил Сегер.

— А вид у них голодный, — отозвалась миссис Майлс.

— Послушай-ка, Люси, — заявил Майлс недовольным тоном, — дело может оказаться серьезным. Нам надо переговорить с этими людьми, и я уже послал за Герьером. Лучше уходи к себе и жди меня.

— Раз ты этого хочешь... А печенье оставить?

Майлс рассеянно кивнул, и она, поставив тарелку на конторку, ушла. Майлс вынул часы — большую серебряную луковичу — и нетерпеливо посмотрел на них.

— Куда пропал Трюблад? — спросил он Сегера.

Сегер пожал плечами и продолжал курить.

Воздух в комнате был душный и спертый: от старых вождей пахло конским потом, сыромятной кожей, горелым деревом.

Сегер встал и, подойдя к окну, распахнул его. Майлс рассеянно крошил кусочек печенья. Голова у него все еще болела; ему так и не удалось принять холодную ванну, о которой он мечтал.

— Вот они, — сказал Сегер.

Трюблад, тяжело дыша, ввел Герьера в комнату.

— Я бегал в деревню, — проговорил он, с трудом переводя дыхание. — Я думал...

Сегер насмешливо усмехнулся, а Майлс сказал:

— Можно вас попросить вести протокол, Джошуа?

Трюблад кивнул. Доставая блокнот и карандаш, он тщетно пытался овладеть собой.

Герьер, сняв шляпу, отряхнул ее, потом вытер лоб, кивнул обоим вождям и быстро заговорил с ними на шайенском языке. Он отбросил все церемонии и старался быть таким же деловитым, как и белые.

— Спроси их, чего они хотят, — сказал Майлс. — Если они нуждаются в продовольствии, пусть возвращаются в свою деревню — я пришлю им дополнительные пайки.

— Дело не в продовольствии, — заявил Герьер. — Они хотят вернуться к себе.

— Так пусть возвращаются! Ведь я же не держу их здесь. Скажи им, пусть уезжают хоть сейчас.

— Они говорят не о стоянке, — пояснил Герьер. — Они считают своей родиной Вайоминг.

— Но это же невозможно! — вскричал Майлс, хлопнув ладонью по конторке. — Об этом нечего и думать! Скажи им, что это невозможно. Да они и сами знают. Скажи, что ни один из них не смеет покинуть Индейскую Территорию без разрешения из Вашингтона. И хорошенько растолкуй им, что Великий Белый Отец такого разрешения не даст. Агентство стало родиной индейцев на веки вечные, и их жизнь здесь будет такой, какой они сами сделают ее. Если они будут лениться, бездельничать и целыми днями валяться у себя в вигвамах, то и получат по заслугам. Объясни это. Жить им придется здесь.

Герьер переводил, а Трюблад записывал у себя в блокноте. Сегер спскойно попыхивал трубкой.

Когда метис умолк, оба вождя переглянулись. Лицо Тупого Ножа выражало безнадежное уныние и растерянность. Он горестно покачал головой и сделал движение, чтобы уйти. Однако Маленький Волк ласково, но решительно удержал старика за руку.

Теперь заговорил Маленький Волк, и Герьер начал переводить его речь от первого лица¹. Переводить с шай-

¹ Правила вежливости у индейцев требуют обращения в третьем лице. Обращаясь к старшему, не говорят: «Как ваше здоровье?», а: «Как его здоровье?» (Примеч. перев.)